

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.512.37+821.512.156

**Калмыцкая и тувинская поэзия в антологии
«Современная литература народов России. Поэзия»**

Римма Михайловна Ханинова¹, Урусхал²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Университет Внутренней Монголии (д. 235, Западная улица, Университет, 010021 Хух-Хото, АРВМ КНР)

профессор, доктор филологических наук

 0000-0002-3489-4968. E-mail: urasgal@sina.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., Урусхал, 2020

Аннотация. В статье рассмотрена проблема диалога этнокультур в формате антологии «Современная литература народов России. Поэзия». Изучение литературного процесса современной России на примерах произведений калмыцкой и тувинской поэзии позволило в определенной степени зафиксировать его современное состояние, рассмотреть литературные контакты и взаимосвязи, в том числе посредством перевода художественных текстов национальных поэтов на русский язык, выявить проблему переводов литератур народов страны. *Цель и задачи* статьи — представить стихотворные подборки калмыцких и тувинских поэтов, явить национальную картину мира тюрко-монгольских народов, опираясь на русские переводы произведений. *Новизна* работы заключается в том, что это первое исследование лирики калмыцких и тувинских поэтов в формате современной антологии литературы народов России как презентации национальной поэзии для широкого круга русскоязычных читателей. *Методы и материалы.* Сравнительно-сопоставительный метод позволяет определить своеобразие калмыцких и тувинских стихотворений, ментальные и индивидуальные векторы авторов. *Результаты.* Исследование современной калмыцкой и тувинской поэзии в этой книге в сравнительно-сопоставительном аспекте выявило общее и различия в культуре тюрко-монгольских народов, художественной картине мира родственных этносов. В гендерном аспекте в антологии даны только калмыцкие поэты. Калмыцкая поэзия представлена 5 авторами, тувинская — 3 авторами. Калмыцкую и тувинскую поэзию отличает представительство старшего поколения. В двух подборках отсутствуют стихи поэтов среднего и младшего поколений, что свидетельствует, вероятно, с одной стороны, о проблеме писательской смены, с другой — о проблеме критериев отбора авторов для включения их произведений в подобные антологии. В жанровом

отношении оба раздела, по всей видимости, не характеризуют традиционный состав национальной поэзии; есть заимствованные жанры баллады и стихотворной легенды, нет постмодернистских экспериментов. В тематическом отношении произведения традиционны: родина, родословная, отечественная история, природа родного края, любовь, семья. В тувинской поэзии стихи Э. Мижита даны в авторском переводе (поэт-билингв), стихи других поэтов — в переводе В. Куллэ. *Выводы.* Исследование современной калмыцкой и тувинской поэзии в этой книге в сравнительно-сопоставительном аспекте выявило общее и различия в культуре тюрко-монгольских народов, художественной картине мира родственных этносов.

Ключевые слова: антология, современная литература народов России, литературный процесс, калмыцкая и тувинская поэзия, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер ААА-А-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Урусхал. Калмыцкая и тувинская поэзия в антологии «Современная литература народов России. Поэзия» // Монголоведение. 2020. № 1. С. 55–71. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-55-71.

UDC 821.512.37+821.512.156

‘Contemporary Literature of Russia’s Peoples. Poetry’: Kalmyk and Tuvan Poetic Compositions Included in the Anthology

*Rimma M. Khaninova*¹, *Wurisigala*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Inner Mongolia University (235, University West road, Huh-hot 010021, Inner Mongolia, PRC)

PhD in Philology, Professor

 0000-0002-3489-4968. E-mail: urasgal@sina.com

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., Wurisigala, 2020

Abstract. The article discusses the dialogue of ethnocultures within the anthology titled ‘Contemporary Literature of Russia’s Peoples. Poetry’. The case study of contemporary Russia’s literary processes through works of Kalmyk and Tuvan poetry makes it possible — to a certain degree — to identify its present-day state, examines the existing literary contacts and interrelations, including by means of Russian-language literary translations of compositions by national poets, reveals the translation problem faced by national literatures of our country. *Goals.* The article presents poetic collections of Kalmyk and Tuvan poets, reveals ethnic worldviews of the Turko-Mongolic peoples through the use of Russian translations. The novelty of the work lies in the fact that this is the first study of Kalmyk and Tuvan poetic lyrics in the format of a modern anthology of literature of Russia’s peoples as a presentation of ethnic poetry for a wide range of Russian-speaking readers. *Materials and*

Methods. The comparative method delineates specific features of Kalmyk and Tuvan poetic works, identifies mental and individual vectors of authors. In terms of gender, the anthology contains works by Kalmyk men poets only. Kalmyk poetry is represented by 5 authors, Tuvan poetry — by 3 authors. The distinctive line is the age. The selected works include none by representatives of senior or junior generations which evidently attests to the fact, on the one hand, there is a problem of generational change and, on the other hand, the compilers faced quite a challenge when it actually came to select authors to be introduced in such anthologies. In genre perspective, both the sections seem to have little to do with the traditional poetic structures and patterns; so, there are some borrowed genres of ballad and poetic legend without any mention of post-modernist experiments. Still, the thematic landscape is traditional enough: motherland, genealogies, national history, nature of ancestral lands, love, and family. The Tuvan poems by E. Mizhit are published in the author's translations (a bilingual poet), works by the other poets — in V. Kulle's translations. *Results.* The study of modern Kalmyk and Tuvan poetry in this book in a comparative aspect reveals similarities and differences in cultures of the Turko-Mongolic peoples, artistic pictures of the world inherent to related ethnic groups.

Keywords: anthology, contemporary literature of Russia's peoples, literary process, Kalmyk and Tuvan poetry, translation

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Khaninova R. M., Wurisigala. 'Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry': Kalmyk and Tuvan Poetic Compositions Included in the Anthology. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 55–71. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-55-71.

Введение

Современный литературный процесс в России характеризуется многообразием языков народов страны при доминировании русского языка как инструмента межкультурного диалога. Проблемы существования и сосуществования национальных литератур в общероссийском масштабе обусловлены рядом причин: потеря литературоцентричности в обществе, снижение роли писателя в духовно-культурном аспекте, смена поколений, различающихся уровнем владения родным языком, недостаточность государственной поддержки в книгоиздании национальных авторов, кризис в переводах национальных литератур на русский язык, во взаимных переводах, невнимание к контингенту литераторов, пишущих не на родном, а на русском языке.

Одной из форм презентации современного общероссийского литературного процесса являются антологии.

Оргкомитетом по поддержке литературы, книгоиздания и чтения и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям в 2016 г. была разработана и утверждена «Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации». В рамках этой программы в Москве изданы первые три тома современной антологии литературы народов России: поэзия, детская литература, проза. По словам издателей, «Программа призвана способствовать созданию условий для развития национальных литератур, укреплению связей между ними, включению их в единый общероссийский литературный процесс, а также формированию новых национальных художественных элит» [*Современная литература 2017*: 6].

В 2017 г. издан первый том поэзии в современной антологии литературы народов России. В предисловии к этому тому Президент России В. В. Путин выразил уверенность, что «„Антология поэзии народов России“, в которой содержатся как оригинальные тексты современных российских поэтов, так и их переводы на русский язык, внесет значимый вклад в сохранение и развитие национальных литератур России, будет интересна самому широкому кругу читателей» [Путин 2017: 5].

В аннотации к первому тому отмечено, что «многоязычная антология включает в себя оригиналы поэтических произведений 229 авторов, созданных за четверть века существования новой России на 57 национальных языках, художественные переводы стихотворений на русский язык, обзорные очерки о литературных языках и поэтических традициях народов России, а также краткие биографические справки об авторах антологии» [Современная литература 2017: 567]. Всего в книге опубликовано 751 произведение.

Наш интерес к тувинской поэзии в сравнительно-сопоставительном плане с калмыцкой поэзией обусловлен тем, что в 1920-е гг. тувинцы пользовались монгольским и старомонгольским письмом при написании первых литературных произведений, а с 1930-х гг., после создания тувинского алфавита, творили на своем национальном языке. Этнокультурная общность тюрко-монгольских народов сохранилась доныне, о чем свидетельствуют стихи калмыцких и тувинских авторов.

Калмыцкая поэзия в антологии

Краткий обзор истории калмыцкого языка и литературы в антологии написан на основе статьи Р. А. Джамбиновой «Калмыцкая литература» из словаря «Литературы народов России: XX век» [Джамбинова 2005: 126–129] и дополнен современными сведениями [Современная литература 2017: 142].

В первый том антологии вошли стихотворения пяти калмыцких авторов. В возрастном ракурсе представлено старшее поколение (от 50 до 93 лет): народные писатели и поэты Республики Калмыкии А. М. Джимбиев, В. Д. Нуров, председатели правления двух писательских союзов Калмыкии Н. Д. Санджиев, Э. А. Эльдышев, а также Р. Б. Шурганова. В жанровом отношении поэтическая подборка не характеризует традиционный состав национальной поэзии. Все стихи структурированы катренами, имеют заглавия. Тексты произведений даны в параллельном переводе поэта Виктора Куллэ.

В первом из трех своих стихотворений «Дээч» ('Воин') Андрей Джимбиев, вспоминая о Великой Отечественной войне, выразил патриотическую готовность и в 90 лет защищать Родину. Автор подчеркнул, что тогда, в 1942 г., его позвала Родина и назвала воином («Гиигхд, дөчн хойрдгчд / Төрскм намаг дуудж, / Дээч гидг эрүн / Даалһврта нер зүүлһлэ»), и теперь, если Родина вновь зовет, он снова готов встать в строй: «Йир күрсн насндм чигн / Йирин нернямм ормд / „Дээч“ гһһд Төрскм дуудхла, / Дәкн зергләнд зогсх күмб» [Джимбиев 2017: 143]. «За девяносто мне, / но — коль в стране беда — / с другими наравне / вновь встану в строй всегда» [Джимбиев 2017: 143].

Для А. М. Джимбиева богатства степи — это ее люди, чабаны, поэтому в стихотворении «Теегин байн» ('Богатства степи') он заверил, что его стихи о

них становятся лучше, делая суровый мир теплее: «Шүлгиим үгмүд чинрэр кеелтнэ, / Шүрүн орчлц дулаһар ээлтнэ» [Джимбиев 2017: 143]. Испокон веков для калмыков животноводство было исконным занятием, и в новое время этот труд в почете у степняков.

Философскими раздумьями наполнено третье стихотворение поэта «Күүнэ сээхн» ('Красота человека'). В двух строфах им сформулировано понятие красоты человека на основе духовных и нравственных ценностей: отцовский совет, гостеприимство, мужество воина, честь мужчины, любовь женщины, материнская забота, целомудренность девушки. «Цецн заавр — эцкинь сээхнь, / Цээһэр тоолһн — эзнэ сээхнь, / Болд үлд — дээчин сээхнь, / Бат үг — залуһин сээхнь. // Көөлн седкл — ээжин сээхнь, / Кигтэ хэлэц — эмин сээхнь, / Цецн өкөрлт — экин сээхнь, / Цевр дурн — күүкнэ сөөхнь» [Джимбиев 2017: 143]. В русском переводе: «Мудрый совет — отца красота. / Гости — хозяина красота. / Оружие — воина красота. / Достойная речь — мужчин красота. // Ласка — бабушки красота. / Взор любящий — женщины красота. / Нежность — матери красота. Девушки красота — чистота» [Джимбиев 2017: 143].

У монгольских народов чай — первооснова пищи: «Как ни жидок чай — первое угощение...», «Как ни жидок чай — начало еды...» [Пословицы, поговорки 2007: 618]. Поэтому гостей с почтением встречают калмыцким чаем. Упоминанием оружия поэт актуализировал боевое снаряжение предков, кочевников-воинов, эпических богатырей из фольклора. «Достойная речь» — это умение мужчины сдержать данное слово, то есть слово чести. Материнская любовь ценна своей мудростью, а девичья целомудренность и нравственность проявляется в любви. Так автор выразил народную философию, передав ментальную картину мира. Третье стихотворение отличается тем, что, помимо парной анафоры, содержит в конце каждой строки эпифору («сээхнь» = красота), в остальных стихах рифма произвольная, анафора парная.

Все три стихотворения Николая Санджиева объединены темой Родины. Тема родной земли у Н. Д. Санджиева взаимосвязана с темой России, поскольку калмыцкий народ, покинув далекую Джунгарию, в 1609 г. добровольно вошел в состав Российского государства. Поэтому поэт в третьей строфе стихотворения «Төрскн һазр» ('Родная земля') подчеркнул: «Эн өргн теегэс, / Эц-эцкин герэс — / Элдв сээхн жирһлтэ / Элвг Төрскэн медлэв» [Санджиев 2017: 144]. Смысловой перевод здесь и далее наш: «С этих обширных степей, с родительского дома — узнал я прекрасную жизнь свободной Родины». У поэта истоки познания Родины начинаются с родного края, отчего порога, истории предков. Эпитет «свободная» Родина по историческому контрасту отсылает к временам Джунгарского ханства, раздираемого междоусобицами и войной с соседними странами за свободу. «Тегэдчн, минһэр болхла, / Теегэс, хальмг теегэс, / Мана алдр Эрэсэн / Межэ эклж һарна» [Санджиев 2017: 144]. В смысловом переводе: «Поэтому, по-моему, со степей, с калмыцких степей начинается граница нашей великой России». Мысль поэта закрепляет смысл предыдущей строфы: большая Родина для каждого человека начинается с его малой Родины, с того места, где он родился, где корни его рода. Во второй строфе мотив гостеприимства обусловлен также обычаями народа: «Цаңһинь цээһэр тоонав, / Цадһинь туулар саатулнав» [Санджиев

2017: 144], букв.: «Жаждущего чаем угощу, / Насытившегося сказкой развлеку». Здесь поэт обращает внимание на бытование фольклора в народной среде. Лирический субъект заявляет: «Энкр Төрсн хазрм / Эврэ жирһлдм живр. / Энд бээсн олн / Элвг зөөрин эзб» [Санджиев 2017: 144]. В смысловом переводе: «Любимая родная земля — крылья в моей жизни. Я хозяин всего этого богатства здесь», то есть манифестируется активная жизненная позиция человека.

Второе стихотворение «Мана иткл» ('Наша надежда') — своего рода магтал (восхваление) матери. Чтобы понять авторскую интенцию, надо знать историю калмыцкого народа в прошлом веке, прежде всего депортацию и ссылку на 13 лет во время сталинских репрессий (1943–1956), когда калмыки понесли большие потери в пути, в местах проживания во время войны и в послевоенное время, и тяжесть выживания в таких условиях несли наряду с мужчинами женщины, спасая свои семьи, детей и внуков. Поэт следует за фольклорными определениями в передаче роли матери в жизни социума, начиная с того, что она вскормила десятерых детей не просто молоком (как в переводе), а молозивом, подобным священной пище — подношению богам («дееж»): «Алтн дееж уургарн / Арвн үрэн тежелэч» [Санджиев 2017: 144]. Эта деталь — материнское молозиво (калм. *алтн уурэ*) — характерна для фольклора монгольских народов. «Арһ-чидлэн агсад, / Арвн эмни хувэн / Алтн хаалһар орулад / Амулнта жирһл өглэч» [Санджиев 2017: 144]. В смысловом переводе: лирический субъект благодарен матери за то, что она вручила жизненную долю всем десяти детям, выведя их на золотую дорогу, дала благополучную жизнь. Золотая дорога (*алтн хаалһ*) в поэтическом контексте означает «счастливая дорога». «Олн күүкд-көвүдиннь / Ухани булгин унч, / Олн күүкд-көвүдиннь / Урдмта жирһлин иньгч» [Санджиев 2017: 144]. В смысловом переводе мать «для многих дочерей и сыновей — источник разума, для многих дочерей и сыновей — пожизненный друг». Поэт переходит от личного к общему, от единичного к множественному, создав материнский портрет: «Мана экр оньдинд / Мана седклин өдрт: / Элгн-садндан — Түшг, / Ачнр-жичнриннь — Кишг» [Санджиев 2017: 144]. В смысловом переводе: «Наши матери всегда в наших сердцах: для родни — Опора, для правнуков и праправнуков — Счастье». У автора ключевые слова *Түшг* 'Опора' и *Кишг* 'Счастье' выделены заглавными буквами. В монгольском мире пожелание того, чтобы ушедшие родственники в иной мир передали счастье оставшимся потомкам, связано обычно с похоронными обрядами. В текстах похоронных благопожеланий отражаются и представления «о взаимосвязи с оставшимися живыми сородичами» [Шараева 2011: 184], увековечиваются образы родственников [Борджанова 2007: 283–285].

Санджиевское стихотворение воссоздает путь матери при жизни и после смерти в памяти семьи и рода. Калмыцкая пословица гласит: «Начало людей — мать, / Начало воды — родник» [Пословицы, поговорки 2007: 43]. Образ родной матери в контексте вырастает в образ Родины-матери, являя преемственность поколений в аксиологическом аспекте: любовь к матери равносильна любви к Родине.

Третье стихотворение озаглавлено «Көлсни аг» (букв. 'Горечь пота'), в переводе как «Высохший пот». В психологическом параллелизме пот рабо-

тающего человека сравнивается с потом труженицы-земли, с ее солончками. С помощью олицетворения вводится имманентная диалогическая парадигма: лирический субъект обнимает летней ночью раскаленную от зноя землю и слышит ее шепот, она негромко жалуется на вредоносное обращение с ней человека: «Хагим давсн гинэ, / Хамг тегин эмтн. / Көрстэ давсн биш, / Көлсни аг энтн» [Санджиев 2017: 145]. В смысловом переводе: «Все степняки говорят, что это налет соли. Но это не почва соленая, это горечь пота». Экологическая проблема стихотворения обусловлена тревогой поэта за кризисное состояние родной степи. Стихи Н. Д. Санджиева структурированы тремя видами анафоры (сплошной, перекрестной и парной) в разных соотношениях, свободной рифмовкой и рифмой.

Все три стихотворения Владимира Нурова имеют посвящения. «Бурхд уульла» (букв. ‘Боги плакали’) посвящено «Погибшим в сибирской ссылке», «Тэвсн ховин зөөр» (‘Сокровище судьбы моей’) — супруге Лидии, «Чонса тууж» (‘Легенда о роде Чоносов’) — Улюмджи Манджиеву [Нуров 2017: 145–147].

Тема депортации и сибирской ссылки в творчестве В. Д. Нурова обусловлена и автобиографическим мотивом: пятилетним ребенком со своей семьей он пережил эту трагедию, отец его погиб на войне. «Мөсн болсн Сиврин һазр / Мөргэд экнр гемэн сурла. / Бурхд геминь келж чадад / Буру хандад нульмсан арчла» («Бурхд уульла») [Нуров 2017: 145]. В смысловом переводе: «У мерзлой сибирской земли, молясь, матери спрашивали о своей вине. Боги, не сумев ответить, в чем эта вина, отвернувшись, утирали слезы». У переводчика: «Стон стужей скованной земли... / „За что?“ — Ответа на вопрос / дать людям боги не смогли / и сами не скрывали слез» [Нуров 2017: 145]. Поэт подчеркнул, что депортированы были женщины, дети и старики, мужчины в это время сражались против фашизма. Поэтому не сибирская земля вопрошала, а несчастные матери-калмычки, боги, без вины виноватые, наоборот, пытались скрыть свои слезы. Во второй строфе уточнено, что репрессиям подверглись и снятые с фронтов калмыки-офицеры: «Зөвэн нексн хальмг офицер / Зекэн камерт зовж адрла...» [Нуров 2017: 145]. В смысловом переводе: «Преследуемый без права калмыцкий офицер, страдая в камере зэка, сошел с ума...». Поэт использовал безэквивалентную лексику: камера, зэк (сокращенное от слова «заключенный»). Оторванным от родины калмыкам запрещено знать родной язык: «Өнчн үрднһ делкэ кедэд, / Өвкиннһ келэн мартж келркэрлэ» [Нуров 2017: 145]. В смысловом переводе: «Осиротевшие дети, скитаясь по свету, забыли язык предков».

Из всех репрессированных в те годы народов только калмыки расселены не компактно, а рассеяны по Сибири, Средней Азии, Дальнему Востоку и Алтаю. У переводчика суженое пространство: «а сосланный в Сибирь народ / немел и забывал язык» [Нуров 2017: 145]. Возвращение на родину калмыков сохраняет драматизм: «Сохр экин маань сонсх, / Сонр өдр туужд төрлэ... / Эмд элдснһ шархан долаж, / Эрүн тег талан темцлэ» [Нуров 2017: 145]. Смысловой перевод: «Молитва слепой матери была услышана, один день стал историческим... Оставшиеся в живых, залечивая раны (букв. ‘зализывая раны’), устремились в святую степь».

Возрождение народа связано с родиной: «Жиң цоксн улсин Седкл / Жигтэ Теегин нарнд эмллэ. / Күч-көлсэрн Өвдкүрэн эмнж, / Күсл болсн үрдэн босхла» [Нуров 2017: 145]. В смысловом переводе: «Разбитая холодом народная душа возродилась под удивительным степным солнцем. Залечивая боль трудом, люди стремились вырастить детей». Но память о прошлом не отпускала людей. «Теегин темэн буулх болһн / Теркэ зүрким уудьвр телнэ. / Көгшн экинь оршасн орминь / Көвүн эндр хээһэд теннэ» [Нуров 2017: 145–146]. Смысловый перевод: «Как степная верблюдица ревет, так в беспокойном сердце печаль ширится. В поисках места захоронения старой матери сын сегодня бродит».

Тема исторической памяти для калмыцкого поэта неизбывна: «Толһа менд харсна гем / Төрүц угаһинь деедс келнэ. / Эднэ өмн энкр ачнр / Эврэ өврмнжэн келж сөгднэ» [Нуров 2017: 146]. Смысловый перевод: «„Нет никакой вины“, — говорит всевышний. Перед дедушками и бабушками внуки с почтением преклоняют колени». Переводчик заключил по-своему: «Склонить колени мы должны. / Чтить дедов выпало внучкам. / И нет на будущих вины / пред теми, кто остался там» [Нуров 2017: 146]. Стихотворение построено на парной анафоре, свободной рифме и рифмовке.

Супруге Лидии признается в любви поэт стихотворением «Сокровище судьбы моей»: «Хөвтэ өдрэн чамд герэслэд, / Хөөтэн үзх күсл төрнэ» («Тобой я счастлив и богат») [Нуров 2017: 146].

В мифологических представлениях многих народов Евразии и Северной Америки развит культ Волка, связанный с предводителем войска или родоначальником племени, вскормленным волчицей; у монголов родоначальником племени считается Синий Волк. Нуровское стихотворение «Чонса тууж» основано на калмыцкой легенде о роде Чоносов (Волков) [Семь звезд 2004: 184–185]. Автор воссоздает историю появления рода, во главе которого встал сирота-мальчик, вскормленный волчицей, но трансформирует сюжет народной легенды. Обратни похитили мать малыша, а синяя волчица, нашедшая ребенка, выкормила его своим молоком, поставила на ноги. Став взрослым, богатырь своего первенца нарек Волком ('Чон'). Вступая в бой с оборотнями, которые в давние времена похитили его настоящую мать, он не просто вспоминал волчицу-мать, а проливал при этом слезы. Если вначале речь идет о хуруле Чоносов, то в конце — не просто о хуруле (буддийском храме), а о Чёёря-хуруле: «Чөөрэ хурл бух бүшкүр татхла, / Чееж болмар сүзг орж батрна» [Нуров 2017: 147]. В смысловом переводе: «Когда в Чёёря-хуруле трубы режут, в каждом сердце укрепляется вера». Чёёря-хурул построен в 1903 г. в поселке Ики-Чонос ('Большие Волки'), в 1931 г. передан местному Совету, восстановлен в постсоветский период. Хурулы (монастыри), запрещенные и разрушенные при Советской власти, были вновь построены в калмыцкой степи. Включением этого архитектурного артефакта автор передает преемственность поколений, вернувшихся к буддийскому вероисповеданию, данному смыслу способствует и кольцевая композиция текста. Эти стихи в основном имеют парную анафору, тяготеют к перекрестной рифмовке и свободной рифме.

Двумя стихотворениями представлен в антологии Народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев. Первое из них обусловлено традиционным мотивом одинокого дерева в калмыцком фольклоре и литературе. Если в раннем пере-

воде А. Соловьева дерево не именовано [Эльдешев 2006: 12–13], то в переводе В. Куллэ, как и в оригинале, обозначен дуб: «Күчтэ хар модн / Көк теетт маңхана. / Цевр йиртмжин үндстэ / Цецн модн болна» [Эльдешев 2017: 147]. «Могучий дуб растет / в степи моей родной. / Воздам ему почет — он щедр и мудр со мной» [Эльдешев 2017: 147]. В смысловом переводе: «Могучий дуб возвышается в зеленой степи. Обоснованно в мире природы считается мудрым деревом». Надо заметить, что, во-первых, в степи дерево не просто растет, а возвышается над землей, оно редко встречается, поэтому особенно ценно. Во-вторых, в монгольской картине мира дуб не относится к священным деревьям, но и на него переносится универсальная символика дерева, нашедшая отражение в стихотворении калмыцкого поэта. Это, с одной стороны, мировое древо, древо жизни, выступающее посредником между вселенной и человеком, помогающее человеку определить свое место в этом мире. С другой стороны, дерево познания. С третьей стороны, дуб как царь деревьев, олицетворение мощи, долголетия, красоты, плодородия, мудрости. Поэтому поэт прибегает к приему олицетворения, сравнивая дуб с другом: «Намаг чиндг үүнлэ / Нээжлэрн мет, күүнднэв» [Эльдешев 2017: 147]. Смысловой перевод: «Он слушает меня, и я разговариваю с ним, как с другом». Ассоциативно подразумевается шелест листьев, равнозначной речи дерева. По принципу градации дано сравнение дуба с матерью: «Эвгэрн, нашудсн кемлэ / Ээжинэр өкэрлж таалла» [Эльдешев 2017: 148]. В смысловом переводе: «В неприятные, горькие времена по-матерински приласкает», то есть словом и действием, потому что мать и мудрый советчик. Психологический параллелизм дан в сравнении жизни человека с жизнью дерева: невзгоды, страдания, болезни, раны и в то же время стойкость, мужество, сила, благородство. Смена времен в стихотворении «зима — весна» в антитезе «холод — тепло» демонстрирует диалектику существования мира природы и человека, фазы роста, возрождение. Цикличность жизни дуба и человека актуализирована кольцевой композицией текста на философскую тему.

Дендрологический мотив «Мудрого дерева» переключается с фитонимическим мотивом в «Песне ковыля» («Цаһан өвснэ дун»). Ковыль, как и полынь, — маркеры степного ландшафта, символы родного края отражены в монгольско-калмыцкой поэзии. Если в «Мудром дереве» есть собеседование, то во втором произведении музыкальная доминанта — поющий ковыль. Его песня внятна лирическому субъекту, он приглашает старого друга послушать музыку степи. Метафора поющего ковыля выражает авторскую любовь к родной земле. Символика ковыля из-за его белого цвета апеллирует к печали, грусти в мировом фольклоре, поскольку пряди растения напоминают седые волосы (латинское название травы ‘Stipa’ отсылает к греческому слову ‘stipe’: ‘пакля’, ‘волос’). Калмыцкое название ковыля «цаһан өвснэ» (букв. ‘белая трава’). В монгольском мире белый цвет обозначает чистоту, святость, благородство. У калмыков стебельки ковыля используют в обряде продления жизни, их втыкают в лампадку в форме лодочки из пресного теста, во время праздника Зул. С первой звездой лампадку зажигают. Поэтому заключительная строфа стихотворения отсылает к огню семейного очага: «Өрүн өвснэ ду соңсдг / Арһ маднд бээтл, үүрм, / Дууга төрскн үгин заль, / Дүмбр һулмтын һал бөкшго...» [Эльдешев 2017: 148]. В смысловом переводе: «Пока, мой друг, мы можем слышать пес-

ню священного ковыля, пусть никогда не померкнет пламя звонкого родного слова, не погаснет величавый огонь домашнего очага...». Сравним у переводчика: «Нет музыки прекрасней для меня. / И свет в окне, и ясный свет огня / не уступают мгле — пусть ночь черна, — / пока нам песня ковыля слышна» [Эльдышев 2017: 148]. Для поэта огонь родного слова и огонь семейного очага равновелики, взаимосвязаны: без языка нет народа, без родной земли нет родины. Поэтому не просто мелодия (без слов), а песня (со словами) ковыля стала камертоном музыки родного края. Эти стихи также в основном имеют парную анафору, трижды в «Мудром дереве» использована лексическая анафора («Күчтэ хар модн' = 'Могучий дуб'), в двух текстах рифмовка перекрестная, в целом свободная рифма.

Заключают подборку стихи Раисы Шургановой. Название «Нууцм» ('Мое сокровенное') переведено как «Моя мечта» [Шурганова 2017: 148]. Элементы благопожелания в конце стихотворения предваряет описание обряда завязывания ленты на дереве. Обряд, с одной стороны, имеет языческий характер (дух дерева), с другой — буддийский, дерево Будды. «Оошг өнгтэ тасмиг / Ончта бүчрт боонав. / Хээртэ зүркнэ нууциг / Хул мөрэр довтулланав» [Шурганова 2017: 148]. Смысловой перевод: «Розовую ленту завяжу на особенной ветке», то есть на ветке особенного дерева. Розовый цвет ленты отраженно символизирует красный цвет огня, жизни, любви. Смысловой перевод двух последних строк первой строфы: «Дорогую для сердца мою сокровенную мечту помчу на дикой лошади». Здесь объект и субъект вначале меняются местами: мечта мчится сама по себе, лишь потом включается в действие лирический субъект, прилагает собственные усилия для свершения желания. Во второй строфе поэтесса развивает мысль: «Салькнд догдлсн тасмм / Седклин санаг бүрдэг. / Живрэн олсн нууц, / Жицннж күслдэн тустг» [Шурганова 2017: 148]. Смысловой перевод: «Пусть воплотит скачущая по ветру моя лента душевную думу. Пусть нашедшая крылья мечта со звоном достигнет цели». Здесь прием градации: мечте придается ускорение и высота с помощью полета птицы, горизонталь сменяется вертикалью — от земли к небу. В предпоследней строфе обнародована сокровенная мечта: «Нууцм мини амр — / Нээжнр мөнд йөтвхэ! / Дэн уга, амулц, / Дангин делкэм бээтхэ!..» [Шурганова 2017: 148]. В смысловом переводе: «Сокровенная мечта моя легка — пусть здравствуют друзья! Пусть без войны счастлив всегда будет весь мир!». Автором жизненное пространство расширяется от личного к общему, от друзей — к человечеству. В заключительной строфе поэтесса задается вопросом: «Күцх, эс күцхнх, / Күдр итклтэн келх. / Торһн эдин тасм, / Торад, моднд сэрвкх» [Шурганова 2017: 149]. Смысловой перевод: «Исполнится или нет, мечта сильной вере даст ответ. Пусть шелковая лента, закрепившись, на дереве развевается». Второе стихотворение развивает материнскую тему в аспекте ответственности детей перед матерью «Экин өвдкүр» ('Материнская боль') [Шурганова 2017: 149]. Дидактическая направленность очевидна, текст построен на риторических вопросах. В двух стихотворениях поэтессы в основном парная анафора, перекрестная рифмовка, свободная рифма.

Тувинская поэзия в антологии

В кратком обзоре истории тувинского языка и литературы в антологии есть некоторые пересечения с историей калмыцкого языка и литературы. С начала 1920-х гг. тувинцы пользовались монгольским языком и старомонгольским письмом, обсуждались проекты создания письменности на монгольской и кириллической основах. А с 1930-х гг. был утвержден тувинский алфавит на основе латиницы, с 1943 г. — письменность на основе кириллицы. Первые литературные произведения тувинцев были созданы во второй половине 1920-х гг. на монгольском языке, затем появились стихи на тувинском языке [[Современная литература 2017: 382](#)].

Как сообщается в кратком обзоре, современная тувинская поэзия представлена тремя поколениями. Поколение поэтов 1980-х гг. экспериментировало с размерностью стиха. Наряду с национальной жанровой формой трехстишия *ожук дажы* («камни очага»), вместе с канонизированными восьми- и двенадцатисложником, родились новые ритмы, редкие ранее размеры, например, семисложник, верлибр и стихотворения в прозе. Древние письменные и фольклорные традиции поэтического слова причудливо сплетаются сегодня в творчестве поэтов Тувы на тувинском, русском и других (немецком, монгольском) языках [[Современная литература 2017: 382](#)].

В антологии опубликованы стихи трех поэтов старшего поколения — от 56 до 72 лет.

Стихи Александра Даржая и Николая Куулара даны в переводе В. Куллэ, стихи писателя-билингва Эдуарда Мижита — в авторском переводе. У первых двух авторов напечатано по 4 произведения, у третьего — 3 текста, все они озаглавлены. Стихи поэтов в жанровом плане не характеризуют традиционный состав национальной литературы; есть, например, заимствованный жанр баллады (Н. Куулар).

Как и в калмыцкой подборке, нет постмодернистских экспериментов.

Тематика поэтической подборки тоже традиционна: родина, родословная, отечественная история, современность, природа родного края, любовь, семья.

«Произведения А. Даржая отличаются многогранностью поэтических ассоциаций, философской направленностью», — отмечают С. Комбу, С. Орус-оол [[Комбу, Орус-оол 2005: 291](#)].

В стихотворении «Эргелениг» («Ластясь к горе») Народный писатель Тувы обращается к теме родного края, воспекает гору как один из сакральных символов Тувы (80 % территории составляют горы — Саяны, Алтай), средоточие материнского начала: «Гора моя, которой я открыт, / Грудь вновь теплом душевным одарит, / Придаст ослабшей плоти свежих сил, / Приободрит, чтоб не был я уныл. / Так только материнская рука / Теплом способна исцелить сына» [[Даржай 2017: 383](#)].

Диалогическая парадигма философского стихотворения «Сагыш» («Душа») имманентно являет общение лирического субъекта со своей душой. Это размышления о пройденном жизненном пути, попытка самоидентификации, самоопределения в будущем. От риторических вопросов («Задумала ты улизнуть, душа?», «Ты чем-то перепугана, душа?», «Успела ты совсем забыть, душа?») лирический субъект переходит к утверждению свободы выбора: «Ведь вско-

рости я, вероятно, сам / В степь выйду — и тебе свободу дам. / Пока тоска и радость пополам, / Попробуем пожить ещё, душа!» [Даржай 2017: 384].

Проблема экологии заявлена в стихотворении «Далайны көрбээн мен...» («Встреча с морем»), в котором автор скорбит по родному селу Чаа-Холь, в ходе наполнения Саяно-Шушенского водохранилища попавшего в зону затопления и перенесенного на новое место. «В детстве, припоминаю, / мнилась мне вечной — но / нынче земля родная / погрузилась на дно. / Родину — словно кожу / я менять не готов» [Даржай 2017: 384]. Заглавие «Встреча с морем» носит иронический характер: это встреча с гидроэлектростанцией, воду которой поэт нарекает «зеленой лужей», «затхлым болотом». Принцип антитезы «море и водохранилище» актуализирует противопоставление «природное и искусственное» не в пользу последнего. Сравнение навеки ушедшего под воду, как моряк, родного гнезда, колыбели, очага подчеркнуто ритуалом прощания: «В зеленую воду брошу / охапку алых цветов» [Даржай 2017: 384]. Алый цвет растений ассоциируется с кровью. Кольцевая композиция стихотворения замыкает печальный круг: лирическому субъекту прежде не довелось видеть моря, он «слышал, что где-то в мире есть большая вода» [Даржай 2017: 384].

Это стихотворение тувинского поэта перекликается со стихотворением калмыцкого поэта «Высохший пот».

Четвертое стихотворение Даржая «Тыва» («Тува») «посвящается внукам». Это своего рода гимн родине. Авторская интенция в разговоре с воображаемым собеседником очевидна в своем императиве в конце произведения: «Ты прекрасна, Тува! / Ты богата, Тува! / Ты обширна, Тува! / Ты священна, Тува!» [Даржай 2017: 384]. Стихотворение перекликается со стихотворением А. М. Джимбиева «Богатства степи».

Философия жизни А. Даржая, с одной стороны, конкретна в земном преломлении, с другой — нацелена на самостояние человека в окружающем мире. Строфика двух первых текстов тувинского поэта разнообразна: шестистрочная, четырехстрочная, два последних текста не имеют строфики.

Творчество Николая Куулара представлено в антологии несколькими стихотворениями. «Өөм» («Юрта») являет микрокосм предка-кочевника в макрокосме вселенной. Автобиографический вектор связан с родиной поэта — подножием хребта Танды на юге республики, с родительской юртой. Юрта цвета молока, купол ее формы определяют ассоциативное сравнение отчего дома с грудью земли и матери. Историческая перемена в жизни народа детализирована сменой кочевого образа жизни на оседлый: «Здесь я детством радужным согрет, / Юрты мир хранит меня от бед, / он уже не откочует, нет» [Куулар 2017: 386]. словно путеводная звезда, родительская юрта шлет сигнал своему сыну, подсказывает путь. В тюрко-монгольской традиции не принято прямо говорить о смерти человека. Такое иносказание присутствует и в стихотворении: «Отец покинул кров! / Говорят, что души пастухов, / улетевших глянуть в холода: / целы ли небесные стада, — больше не вернуться никогда» [Куулар 2017: 386]. Мотив расставания с отцом развивают мотивы прощания и прощания с юртой, степным жеребцом, отцовской коновязью. Странствия лирического субъекта, его городская жизнь привносят грустную интонацию в конец стихотворения: «Сумерки сгущаются опять: / мама и земля устали ждать» [Куулар 2017: 386].

В «Балладе о скакуне» сравнение коня с мифическим крылатым потомком Аран-Чулы воссоздает древний мир. Сюжет построен на описании последнего забега старого скакуна, победившего на скачках ценою жизни: «А он, затихая, видел: там, где солнце в зенит / восходит, где вечного неба бескрайня голубизна, — / вновь в нескончаемой скачке он первым мчит / и продолжает бег небесного табуна» [Куулар 2017: 387]. Используя олицетворение, поэт показал последний день животного через его восприятие. Психологический параллелизм явлен в перемене наездника: вместо старого хозяина в седло сел его сын. Обращение к языческим временам показано упоминанием шаманизма, воспроизведением музыки предков: «Кажется: в скачке ожил древних шаманов дух. / Благословенье дая, / бубны рокочут вдали» [Куулар 2017: 387].

«Два стихотворения о снеге», обозначенные арабскими числами, — философские размышления поэта о жизни и смерти, мгновении и вечности, бренности и бессмертии, памяти и любви.

Первый текст построен как диалог лирического субъекта с другом. Озарение человека в понимании «здесь и сейчас» и «не здесь и никогда» связано с явлением снегопада в тридевятой стране: снег был вчера, а сегодня растаял с утра. Относительность всего сущего отражена в авторской сентенции: «На земле этой, вечной почти, / пусть нас память хранит в пути» [Куулар 2017: 387].

Второй текст с помощью олицетворения передает мироощущение природы: Солнце, снег, лед. Взаимоотношения Солнца и снега — эстетика красоты и экзистенция бытия. Смерть снега — молочный сон, посланный на землю Божеством. Но мысль поэта преисполнена благодарности к Божьему промыслу: «На земле, равнодушной почти, / лишь любовь способна спасти!» [Куулар 2017: 387]. Теория относительности иллюстрирована наречием «почти» («На земле этой, вечной почти...», «На земле, равнодушной почти...»). Все относительно в этом мире, кроме слова, способного выразить невыразимое, по мысли поэта. Стихи Н. Куулара отличаются по строфике: катрены, сплошной текст с выделением заключительного двустишия.

Три стихотворения Эдуарда Мижита, структурированные катренами, переведены автором. Все они медитативной направленностью передают философские размышления поэта о стадиях познания человеком окружающего мира — от обретенной и потерянной гармонии к попыткам синтезировать мысль и чувство, объединить плоть и дух.

Так, в стихотворении «Бирги чалгыг» («Первая волна») автор констатирует: в полтора года понял, что он существует, что есть тайный мир в нем самом и вне его мир наружный: «И треснул мир, где жил со всеми дружно...», где был ребенком и бабочкой, и воробьем, не видя разницы меж ними [Мижит 2017: 388]. Из рая детства переход в иной, взрослый мир проходил болезненно и длительно, привнося новые волны: «А там вторая, третья, все деля, / Плеснули мир в глаза стеклом разбитым...» [Мижит 2017: 388]. Интертекст (афоризм Г. Гейне о том, что трещина мира проходит через сердце поэта) отсылает к собственному миропониманию автора: «И все ж та трещина прошла / По крохотному сердцу...» [Мижит 2017: 388]. Но материнская пуповина, соединяв-

шая автобиографического героя с миром, позволила ему уцелеть, не утонуть в волне земного бытия, в ее безмерности. Память об этой пуповине становится ключевой доминантой смыслового поля произведения.

Второе стихотворение «Бодал ээзи» ('Дух мысли') развивает мысль предыдущего стихотворения. Если в «Первой волне» образность связана с концептом «вода», то в «Духе мысли» — с концептом «пламя». Органическая субстанция воды как колыбели жизни сменяется обжигающей субстанцией духа как проводника в мире души и плоти. Римское божество — двуликий Янус — организуется в стихотворении составные части образа «дух мысли»: гармония и хаос, прошлое и будущее, вход и выход, начало и конец: «Так мысли дух — двуликий Янус / Своей двуглавою секирой / Рассек и сжег мою слиянность / С душой своей и с этим миром» [Мижит 2017: 389]. Другой интертекстуальный код — лабиринт — напоминает о критском лабиринте, из которого нет спасения (ненаходимость выхода и встреча с Минотавром): «Так ясная прозрачность мира / Сгустилась темным лабиринтом» [Мижит 2017: 389]. Трагизм существования человека заключен в последних строках: «А с лезвий алчущей секиры / Стекает кровь незримой битвы» [Мижит 2017: 389].

Третье стихотворение «Күзел» ('Мечта') как бы суммирует смысловые векторы двух предыдущих текстов. Модальность дискурса определена предикатом «мочь» в сочетании с инфинитивами «дать», «встретить», «коснуться», «подняться». Здесь ключевыми словами становятся антитезы «дух» — «плоть», «путь» — «сеть», «нахождение» — «потеря», «сберечь» — «растратить», «забыть» — «вспоминание», «упасть» — «подняться». Мечта лирического субъекта заключается в желании обрести искомую гармонию духа и плоти, мысли и слова: «Дать бы бесплотному плоть / И камню для песни бы голос, / Чтоб хоть надежды ломоть, — / И в путь, что нелегко и долог. // Чтобы сквозь сети дорог / Шел бы, себя не теряя, / Чтоб для себя не сберег / Ни капли того, что 'Я' я. // Встретить, как друга, бы мысль, / Коснуться хоть локтя бы слова, / Вспомнив забытую высь, / Подняться бы на ноги снова» [Мижит 2017: 390].

Три стихотворения поэта являют своеобразный философский триптих: я в этом мире и мир в моем «я».

Таким образом, диалог этнокультуры народов России на современном этапе в данной антологии представляет общероссийский литературный процесс, выявляет проблемы и перспективы его развития.

Заключение

Итак, что общего увидит русскоязычный читатель антологии в двух стихотворных подборках калмыцких и тувинских поэтов. Во-первых, здесь представлено старшее поколение. Во-вторых, все стихотворения озаглавлены, не имеют датировки и места создания, переведены одним переводчиком В. Куллэ, за исключением стихотворений Э. Мижита. В-третьих, в подборках нет постмодернистских экспериментов. В-четвертых, автобиографизм отдельных стихотворений проецирует страницы отечественной истории. У калмыцких поэтов: «Воин» А. М. Джимбиева — военная биография, «Родная земля» Н. Д. Санджиева — присоединение калмыцкого народа к Российскому государству, «И плакали боги» В. Д. Нурова — депортация и сибирская ссылка.

У тувинских поэтов: «Ластясь к горе» А. Даржая и «Юрта» Н. Куулара — прошлое и настоящее родного народа. В-пятых, в двух подборках тема Родины, с одной стороны, взаимосвязана с темой России, с другой — с темой родного края, в том числе сквозь призму воспоминаний о далеком детстве, о родительской семье, о матери. Это стихи А. М. Джимбиева «Богатства степи», Н. Д. Санджиева «Надежда наша», Р. Б. Шургановой «Материнская боль», Н. Куулара «Юрта», А. Даржая «Тува». Экологическая катастрофа родной земли тревожит как Н. Д. Санджиева «Высохший пот» (солончаки), так и А. Даржая «Встреча с морем» (водохранилище). Два стихотворения Р. Б. Шургановой («Моя мечта») и Э. Мижита («Мечта») названы схоже. В первом случае автор высказывает мечту о мире без войн, во втором случае — о самостоянии человека. Философская тема в калмыцкой лирике заявлена в стихотворениях: А. М. Джимбиева «Красота человека», передающем народную мудрость о совершенном человеке в гендерном ракурсе, «Мудрое дерево» Э. А. Эльдышева — в аспекте мирового древа, древа жизни, древа познания. Философская лирика тувинских поэтов транслирует авторские раздумья о месте человека в микрокосме земного бытия и в макрокосме духовных исканий: «Два стихотворения о снеге» Н. Куулара, «Первая волна», «Дух огня» Э. Мижита. В стихотворениях есть мотивы шаманизма («Баллада о скакуне» Н. Куулара), язычества и буддизма («И плакали боги», «Легенда о роде Чоносов» В. Д. Нурова, «Моя мечта» Р. Б. Шургановой). Поэты используют приемы олицетворения, психологического параллелизма, диалогические конструкции, риторические фигуры.

Различное в двух поэтических подборках проявляется в следующем. Калмыцкая поэзия представлена в гендерном плане: три поэта и одна поэтесса, тувинская — только поэтами. Тема родной природы проецирует ландшафты региона: степь у калмыцких авторов — «Родная земля» Н. Д. Санджиева, «Мудрое дерево», «Песня ковыля» Э. А. Эльдышева, горы, реки у тувинских авторов — «Ластясь к горе» А. Даржая. Любовная лирика отражена лишь в одном стихотворении калмыцкого поэта В. Д. Нурова «Сокровище судьбы моей», посвященной супруге. «Баллада о скакуне» Н. Куулара и «Легенда о роде Чоносов» В. Д. Нурова демонстрируют литературные жанры баллады и легенды. У В. Д. Нурова народная легенда трансформирована в сюжетном плане. «Два стихотворения о снеге» Н. Куулара являют диптих: два текста обозначены арабскими числами. В калмыцкой подборке три стихотворения В. Д. Нурова имеют посвящения, в тувинской — «Тува» А. Даржая.

Исследование современной калмыцкой и тувинской поэзии в этой книге представляет интерес с точки зрения общего в культуре тюрко-монгольских народов, художественной картины мира родственных этносов. Стихи калмыцких поэтов в подборке передают этническое самосознание авторов, историзм, элементы фольклорных жанров — магтала (восхваления), йоряла (благопожелания), верований (буддизм), обрядов и народных праздников, заимствованный жанр (стихотворная легенда), трансформация фольклорных сюжетов и мотивов, национальная версификация (анафора).

Стихи тувинских поэтов в антологии также являют национальные образы мира, философские константы «я и мир», заимствованный жанр (баллада),

традиционную версификацию (анафора), историзм, фольклорные приемы и средства (психологический параллелизм, олицетворение), языческие верования (шаманизм), интертекстуальный вектор. Ключевые коды в ландшафтах: степь — горы. В подборках нет постмодернистских экспериментов. Тематика традиционна: родина, родословная, история, современность, природа родного края, экология, семья, любовь. Все стихи озаглавлены, некоторые с посвящениями, отсутствуют дата и место создания произведений, строфика разнообразна, нет заимствованной «лесенки». Русский параллельный перевод стихотворений осуществлен поэтом В. Куллэ. По-прежнему актуальна проблема перевода на русский язык произведений национальных литератур России, поскольку традиции советской школы перевода во многом утрачены, переводы национальных литератур для русскоязычного читателя малочисленны и малодоступны, переводчики, владеющие в равной мере родным и русским языком, редки в писательской среде. Стихи Э. Мижита даны в авторском переводе. Нет современных взаимных калмыцко-тувинских переводов. Прежние переводы связаны, например, с именем Д. Монгуша, сделавшего доступными стихи Д. Н. Кугультинова на тувинском языке. Следовательно, диалог культур народов России требует активизации всех заинтересованных в нем сторон.

Литература

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика): на рус. и калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Даржай 2017 — *Даржай А.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 383–385.
- Джамбинова 2005 — *Джамбинова Р. А.* Калмыцкая литература // Литературы народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных. М.: Наука, 2005. С. 126–129.
- Джимбиев 2017 — *Джимбиев А.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 143.
- Комбу, Орус-оол 2005 — *Комбу С., Орус-оол С.* Даржай // Литературы народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных. М.: Наука, 2005. С. 290–291.
- Куулар 2017 — *Куулар Н.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 385–387.
- Мижит 2017 — *Мижит Э.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 388–390.
- Нуров 2017 — *Нуров В.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 145–147.
- Пословицы, поговорки 2007 — *Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой.* Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Путин 2017 — *Путин В. В.* [Предисловие] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 5.
- Санджиев 2017 — *Санджиев Н.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 144–145.
- Семь звезд 2004 — *Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Современная литература 2017 — *Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. 568 с.*
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков XIX–XXI вв. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 223 с.

- Шурганова 2017 — *Шурганова Р.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 148–149.
- Эльдышев 2017 — *Эльдышев Э.* [Стихи] // Современная литература народов России: Поэзия / отв. ред. М. Амелин. М.: ОГИ, 2017. С. 147–148.
- Эльдышев 2006 — *Эльдышев Э. А.* Мудрое дерево: стихотворения и поэмы / пер. с калм. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 336 с.

References

- [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. 568 p. (In Russ.)
- [Russia-Based Kalmyks and China-Based Oirats: Proverbs, Sayings, and Riddles]. B. Kh. Todaeva (comp., transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Russ.)
- [The Seven Stars: Kalmyks Legends and Tales]. D. E. Basaev (comp., transl., etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. [Kalmyk Ceremonial Poetry: Genre System, Poetics]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ. and Kalm.)
- Darzhai A. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 383–385. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A. Kalmyk literature. In: [Literatures of Russia's Peoples: 20th Century. Dictionary]. N. Nadyarnykh (ed.). Moscow: Nauka, 2005. Pp. 126–129. (In Russ.)
- Dzhimbiev A. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. P. 143. (In Russ.)
- Eldyshev E. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 147–148. (In Russ.)
- Eldyshev E. A. [The Wise Tree: Verses and Poems]. Elista: Dzhangar, 2006. 336 p. (In Russ.)
- Kombu S., Orus-ool S. Darzhai. In: [Literatures of Russia's Peoples: 20th Century. Dictionary]. N. Nadyarnykh (ed.). Moscow: Nauka, 2005. Pp. 290–291. (In Russ.)
- Kuular N. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 385–387. (In Russ.)
- Mizhit E. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 388–390. (In Russ.)
- Nurov V. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 145–147. (In Russ.)
- Putin V. V. Foreword. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. P. 5. (In Russ.)
- Sandzhiev N. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 144–145. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [Kalmyk Lifecycle Rituals: 19th – 21st Centuries]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)
- Shurganova R. Poems. In: [Contemporary Literature of Russia's Peoples. Poetry]. M. Amelin (ed.). Moscow: OGI, 2017. Pp. 148–149. (In Russ.)